

(НЕ)РЕАЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ

А.Е. Иванеско, Д.В. Сень

Краткое предисловие

Предлагая название для дискуссии, модераторы исходили из того основания, что российское общество традиционно участвовало в реформах в качестве их объекта, а не субъекта, подчиняясь государственной прагматике их осуществления.

Хронологическим периодом для обсуждения дискуссионных вопросов мы избрали период XVIII–XXI вв., на протяжении которого особенно заметна связь между негативными реакциями общества на реформы и социальными катаклизмами, часто влиявшими на судьбу государства, почти всегда оказывавшегося инициатором реформ. Многократно реализуя реформы «сверху», Российское государство на разных этапах своей истории регулярно преследовало собственные цели, сообразуясь с принципом “*Salus reipublicae – suprema lex*” и полагая необходимым самостоятельно определять целесообразность и стратегию реформ для своих подданных/граждан. С этой точки зрения почти объяснимо именно такое, устойчивое, отношение в России к реформам для общества (без общества?) в интересах государства.

При этом важно отметить, что подобный «традиционализм» со стороны верховной власти оказался малочувствителен к неоднократной смене государственного строя в России, к ротации элит, наконец (за малым исключением), к запросам общества на перемены. Вероятно, подобную устойчивость можно связать с тем, что российское общество по своей природе – общество государственно-организованное, и что т. н. «общественный договор» не относится к его устойчивым ценностным категориям. Парадокс исторической ситуации для России в том, что запрос(ы) общества на перемены почти всегда служили не *основанием*, а *следствием* реформ, массово подпитываясь недовольством и разочарованием со стороны населения.

«Оторванность» интересов российского общества от проводимых реформ проявлялась в том, что его подавляющая часть изначально ничего не знала о них, не участвовала, проявляла не только нелояльность, но и активно сопротивлялась. Подобный негативный эффект только усиливался в связи с отчужденностью общества от итогов реформ, не воспринимаемых в категориях «Божьей правды», «своих», «настоящих», «подлинных»...

Иванеско Антон Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42, a.ivanenko@yandex.ru.

Сень Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42, dvsen@sfedu.ru.

Свою долю разочарования на пути реформирования общества и государства перманентно испытывала и сама верховная власть, находя для себя более естественным переходить к политике контрреформ и «закручивания гаек». Отсюда – обманчивая историческая неизбежность революции в России как антитезы ее реформирования.

Вопросы дискуссии:

1. Согласны ли Вы с утверждением, что реформы в российской истории XIX–XX вв. выступали в качестве альтернативы революции? Какие реформы и почему можно считать в этом смысле успешными, а какие – нет?
2. В какой степени проекты российских реформ отвечали общественному запросу на перемены? Как менялись механизмы включения общественных ожиданий в замыслы реформаторов?
3. Какие факторы и обстоятельства определяют репутацию реформатора в России? По каким паттернам выстраивается его образ в коллективной памяти? Кто и как им распоряжается?
4. Насколько отличался взгляд на реформы из провинциальной перспективы от столичного? Какими ресурсами обладала российская провинция для участия в реформах или для их обструкции?
5. В чем заключается академический интерес к реформам, оставшимся на бумаге? Какие из этих прожектов наиболее поучительны и почему?

Участники:

Андрей Баранов – доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета.

Михаил Карпачев – доктор исторических наук, профессор исторического факультета Воронежского государственного университета.

Анатолий Лубский – доктор философских наук, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Николай Мининков – доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета.

(IM)POSSIBILITY OF THE RUSSIAN REFORMS

A.E. Ivanesko, D.V. Sen'

Short introduction

Offering a title for the discussion moderators proceeded from the base, that Russian society has traditionally participated in the reforms as their object, not a subject, obeying state pragmatics of implementation.

Discussion moderators have chosen the chronological period of XVIII–XXI centuries in Russian history, during which the connection between the negative reactions of society to reform and social disasters was especially evident, often affect the fate of the state, almost always turns out to be the initiator of reforms. Repeatedly implementing reforms “from above”, the Russian state at different stages of its history regularly pursued their own goals, in accordance with the principle of “*Salus reipublicae – suprema lex*” and setting necessary to determine the feasibility and reform strategy for their subjects or citizens. From this point of view a stable attitude in Russia to the reforms to the society (without society?) in the public interest can be attributed.

It is important to note that this “traditionalism” by the supreme authorities was insensitive to the repeated change of the political system in Russia, to the rotation of elites, finally (with few exceptions), to the demands of society for change. Probably, such resistance can be explained by the fact that Russian society is by nature a society of state-organized, and that the “social contract” does not refer to its stable value categories. The paradox of the historical situation in Russia is that society needs to change is almost always not served basis, but the result of the reforms, and is widely fueled by discontent and frustration among the population.

The alienation reforms from the interests of Russian society manifested in the fact that the overwhelming part of it initially did not know anything about them, did not take part, showed not only a lack of loyalty, but also actively resisted. This negative effect was intensified by the rejection of the society and results of the reforms which were not perceived in terms of “God’s truth”, “real”, “authentic”...

Ivanesko Anton E., Candidate of Science (History), Associate Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, a.ivanesko@yandex.ru.

Sen' Dmitry V., Doctor of Science (History), Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, dvsen@sfnedu.ru.

Sovereignty itself permanently felt its share of disappointments in the way of reforming the society and the state, finding it more natural to go to the counter-reform policy and the "crackdown". Deceptive historical inevitability of the Russian Revolution as the antithesis of its reform was the result of this.

Questions of discussion are following:

1. Do you agree with the statement that the reforms in Russian history XIX–XX centuries. performed as an alternative to the revolution? What reforms and why can be considered in this sense, successful, and what – no?
2. To what extent Russian reform projects respond to public demand for change? How do mechanisms of inclusion of public expectations in the plans of the reformers?
3. What factors and circumstances determine the reputation of a reformer in Russia? What are the patterns built up his image in the collective memory? Who and how to dispose of?
4. How much different outlook on the reform of the provincial capital of prospects? What resources had a Russian province to participate in the reforms or their obstruction?
5. What is an academic interest in reform remain on paper? Which of these searchlights most instructive, and why?

Disputants:

Andrey Baranov – Doctor of Science (History), Doctor of Science (Political Science), Professor, Faculty of Political Science and Political Management, Kuban State University.

Mikhail Karpachev – Doctor of Sciences (History), Professor, Faculty of History, Voronezh State University.

Anatoliy Lubsky – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

Nikolay Mininkov – Doctor of Sciences (History), Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University.

Реформы в России или реформы для России? Или реформы по-российски?

А.В. Баранов

1. Согласны ли Вы с утверждением, что реформы в российской истории XIX–XX вв. выступали в качестве альтернативы революции? Какие реформы и почему можно считать в этом смысле успешными, а какие – нет?

Да, согласен. С уточнением: сама дуальная мыслительная конструкция «революция – реформа» была заимствована русскими историками и государственными деятелями из политических учений французского Просвещения. Схема слабо учитывала объективные условия российского общества, «смещала оптику зрения» и, следовательно, вызывала выбор неадекватных критериев успеха реформ. Так, освобождение крепостных крестьян по радикальному варианту в духе П.И. Пестеля привело бы к кровавому истреблению элит и расстройству всей экономики России, а не к желанному прогрессу.

Наиболее успешными считаю реформы 1858–1881 гг. Они проходили в обществе, для которого свойственна «государственно-центричная матрица» развития (Е.Н. Моцелков) [Моцелков, 1996, с. 19, 33, 35]. Ее доминанта – соединение власти и собственности, ведущая роль государства. Модернизация России проводилась главным образом усилиями власти [Пантин, 1994, с. 83]. Становление субъектов и институтов гражданского типа шло неравномерно. Его основа (рынок) и условия (демократия) не совпадали по темпам развития с социальной структурой. Отсюда – гибридные формы, в которых адаптировались заимствованные с Запада институты [Гражданское общество ... 1998, с. 6, 25, 19]. Государство сдерживало рост институтов гражданского общества: земств, городов и университетов, партий и общественных движений. Но одновременно «империя воспитывала коллективное гражданское общество» [Бурбанк, 1997, с. 32]. Формами гражданственности выступали классы, религиозные, этнические и региональные общности. Рост товарно-денежных отношений, частной инициативы и собственности не был дополнен упрочением демократических институтов и ценностей.

Неуспешными считаю преобразования П.А. Столыпина и все реформы советского периода, поскольку они до критической черты разбалансировали исходную общественную систему, не предложив взамен целостной и более эффективной альтернативы.

Баранов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149, baranovandrew@mail.ru.

Baranov Andrey V., Doctor of Science (History), Doctor of Science (Political Science), Professor, Faculty of Political Science and Political Management, Kuban State University, 149, Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russia, baranovandrew@mail.ru

2. В какой степени проекты российских реформ отвечали общественному запросу на перемены? Как менялись механизмы включения общественных ожиданий в замыслы реформаторов?

До начала XX в. трудно судить о массовом запросе на реформы, мы можем убедительно понять только запрос бюрократии и интеллигенции, а это не всё общество. И М.М. Сперанский, и Н.И. Новосельцев, и либеральная бюрократия 1850-х гг. судили о запросах общества весьма произвольно. Механизмами учета требований были лишь документы Третьего отделения, жандармерии, МВД, полемические записки ряда известных мыслителей (К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина и др.). В годы Первой революции общество «просыпается», его требования известны по листовкам, периодической печати, голосованию на выборах. Проекты реформ советского времени совершенно другие, чем в империи: они идеологизированы, исходят из «должного», а не «реального». Кроме того, источники, начиная с 1930-х гг., еще малодоступны для историков, многое решалось по «телефонному праву».

Чтобы дать реалистичную оценку механизмов включения общественных ожиданий в замыслы реформаторов, мы должны воссоздать алгоритм принятия стратегических властных решений.

3. Какие факторы и обстоятельства определяют репутацию реформатора в России? По каким паттернам выстраивается его образ в коллективной памяти? Кто и как им распоряжается?

Репутация (точнее, образ) реформатора в каждую эпоху меняется. Современники воспринимают реформаторов исходя из своих критериев и «повестки дня», потомки – совершенно иначе. С учетом неглубокой и прерывистой исторической памяти россиян не удивлюсь, если каждые 10–15 лет образы исторических деятелей прошлого радикально изменяются. Делать это достаточно легко при современном уровне зависимости «простецов» от манипулирования СМИ: интернет-ресурсов, социальных сетей, телевидения. Я разделяю мнение о том, что исторические образы целенаправленно конструируются и деконструируются, и само общественное массовое мнение – объект воздействия «производителей символов». Паттерны такого конструирования ситуативны, меняются довольно быстро. Например, стремительный рост среди качеств образа И.В. Сталина ценности идеологом «организатор Победы», «непримиримый защитник интересов Российского государства» (сейчас не будем обсуждать, насколько это убедительные и доказанные фактами идеологемы). И, напротив, произошла деконструкция образов Л.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина и проч. при помощи идеологемы «зависимые от Запада». И эти метаморфозы гораздо больше говорят о нас, нынешних, и современном обществе, о текущих запросах, а не об исторических деятелях как таковых.

Распоряжается образами, конечно, центральная государственная власть в лице правящих элит. Но они тоже идеологически неоднородны (дискуссии о возрождении монархии, о памятной доске Маннергейму и т. д.). Мы наблюдаем «схватку бульдогов под ковром», но не успеваем понять смысл противоборства.

4. Насколько отличался взгляд на реформы из провинциальной перспективы от столичного? Какими ресурсами обладала российская провинция для участия в реформах или для их обструкции?

Думаю, на этот вопрос можно отвечать только дифференцированно о каждом цикле реформ. Например, столыпинские реформы. Причины их поражения многообразны. Они включали в себя недооценку силы общинной психологии крестьянства и идеализацию его рыночного потенциала, бюрократизм и слабый учет региональных особенностей, слабость кредитной и агрономической поддержки, недостаточные стимулы к переселению. Аграрная реформа, скорее, расшатала традиционные институты жизни крестьянства, недостаточно закрепив новые. Главное – реформы не ограничили интересы дворянства, что делало их в глазах крестьян «барскими» [Медушевский, 2012].

Последний случай, когда интересы региональных элит, а через их посредство – отчасти и региональных сообществ, учитывались всерьез, – начальный этап НЭПа, и то не во всех аспектах. Например, это дискуссии о федерализме при выборе исходного устройства СССР, а также реформа административно-территориального устройства в 1923–1926 гг. Но уже по мере свертывания НЭПа региональным чиновникам и интеллигенции просто стали указывать из центра, что надо делать. Отчасти их самостоятельная роль восстановилась только в годы Перестройки, но она стала преимущественно разрушительной.

5. В чем заключается академический интерес к реформам, оставшимся на бумаге? Какие из этих проектов наиболее поучительны и почему?

Во-первых, для профессиональных историков это хорошая школа исторического мышления и прогнозирования.

Во-вторых, важна возможность реконструкции альтернатив исторического развития. Ведь на момент событий прошлого их участники, включая государственных и партийных лидеров, не могли знать наверняка, чем завершатся процессы. Любая деятельность в истории, и индивидуальная, и коллективная, и общегосударственная, – вероятностна, а не фатальна по своим результатам. И в-третьих, – простое человеческое любопытство. Мечтать всегда интересно и полезно.

Поучительными считаю проекты реформ 1818–1820 гг., прерванные восстанием Семеновского полка и кончившиеся отказом от конституционализма. Весьма важная и интересная «развилка» – 1921 г. Представим себе, что хотя бы в одном из случаев крупных крестьянских и красноармейских восстаний одержана была бы победа и реализовалась бы альтернатива демократического социализма (Кронштадт), или же социал-консерватизма (врангелевский «остров Крым»). Это могло бы привести к гораздо большим масштабам уступок большевикам обществу, чем реально состоялось в 1921–1926 гг.

«Косыгинские» реформы. В своем развитии они могли укрепить СССР экономически и дипломатически, восстановить союз между прогрессивной частью бюрократии и интеллигенцией, омолодить партократию не радикально-разрушительным, а умеренным путем.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бурбанк Дж. Империя и гражданское общество: Имперская конструкция России и Советского Союза // *Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.): сб. науч. ст.* М.: Московский общественный научный фонд, 1997. С. 19–35.

Гражданское общество: мировой опыт и российские проблемы / под ред. Б.Г. Хороса. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 312 с.

Медушевский А.Н. Как выйти из революции: стратегия преодоления социального кризиса в обществе переходного типа // *Российская история*. 2012. № 2. С. 3–18.

Моцелков Е.Н. Переходные процессы в России: опыт ретроспективно-компаративного анализа социальной и политической динамики. М.: Изд-во МГУ, 1996. 152 с.

Пантин И.К. Драма противостояния демократия/либерализм в старой и новой России // *Политические исследования. Полис*. 1994. № 3. С. 75–94.

REFERENCES

Burbank Dzh. Imperiya i grazhdanskoe obshestvo: Imperskaya konstrukciya Rossii i Sovetskogo Soyuz [The Empire and Civil Society: Imperial Design of the Russia and the Soviet Union], in: *Imperskij stroj Rossii v regional'nom izmerenii (XIX – nachalo XX v.): sb. nauch. st.* [Imperial System of Russia in regional dimension (XIX – early XX century): proceedings] Moscow: Moskovskij Obshestvennyj Nauchnyj Fond Publ., 1997. P. 19–35 (in Russian).

Grazhdanskoe obshestvo: mirovoj opyt i rossiiskie problemy / pod red. B.G. Horosa [Civil society: international experience and Russian problems / ed. by B.G. Horos]. Moscow: Editorial URSS, 1998. 312 p. (in Russian).

Medushevskij A.N. Kak vyiti iz revolyucii: strategiya preodoleniya social'nogo krizisa v obshestve perehodnogo tipa [How to get out of the revolution: a strategy to overcome the social crisis in the transitional society], in: *Rossijskaya istoriya*. Moscow, 2012. № 2. P. 3–18 (in Russian).

Moschelkov E.N. *Perehodnye processy v Rossii: opyt retrospektivno-komparativnogo analiza social'noj i politicheskoy dinamiki* [Transients in Russia: Experience of retrospective comparative analysis of the social and political dynamics]. Moscow: MSU Publ., 1996. 152 p. (in Russian).

Pantin I.K. Drama protivostoyaniya demokratiya/liberalizm v staroj i novoj Rossii [Drama opposition democracy/liberalism in the old and the new Russia], in: *Politicheskie issledovaniya. Polis*. Moscow, 1994. № 3. P. 75–94 (in Russian).

Реформы в России – не антиподы революции

М.Д. Карпачев

1. Согласны ли Вы с утверждением, что реформы в российской истории XIX–XX вв. выступали в качестве альтернативы революции? Какие реформы и почему можно считать в этом смысле успешными, а какие – нет?

Проблема соотношения реформ и революций – одна из наиболее популярных у современных обществоведов. Зачастую при этом исторический выбор развития страны сводится к альтернативе: либо реформы, либо революция. Как правило, однако, такое противопоставление лишено реального содержания. Огромное число преобразований проводилось государством, кровно заинтересованным в ускорении экономического роста, в увеличении доходов бюджета, военного могущества, научного потенциала и проч. Очень часто главной причиной реформ становились внешний фактор, острая необходимость выдержать соперничество в историческом соревновании народов. Такими были реформы в области военного строительства, просвещения, финансов и во многих других сферах. Да и отмена крепостного права (самая крупная из реформ XIX в.) была проведена не ради предотвращения революции, а из-за вскрывшегося в ходе Крымской войны технологического и культурного отставания России от промышленно развитых государств Западной Европы. Проводились, конечно, и такие реформы, целью которых являлось противодействие революционным угрозам (например, цензурные, университетские или полицейские). Но и они на роль реальной альтернативы революции в конкретном смысле слова претендовать не могли. Хотя бы уже потому, что объективных условий для революции во время их проведения не было.

Не связывалось напрямую с перспективами революции и большинство реформ политической и правовой системы. Но некоторые из них действительно были задуманы и осуществлены как вынужденная реакция на угрозу революционного крушения традиционных основ государственной и общественной жизни.

Для сравнения можно сопоставить петровские преобразования начала XVIII в. и реформы в царствование Николая II, направленные на изменение государственного строя Российской империи.

Карпачев Михаил Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного университета, 394018, г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1, m-karpach@mail.ru.

Karpachev Mikhail D., Doctor of Science (History), Professor, Head of the Chair of Russian History, Voronezh State University, 1, University Sq., Voronezh, 394018, Russia, m-karpach@mail.ru.

В первом случае никакой альтернативой революции крупнейшие реформы быть не могли. Сама верховная власть во главе с царем была *инициатором* нововведений и проявила неукротимую энергию по их реализации, включая физическое устранение многочисленных противников принудительной европеизации страны. Во втором случае император *вынужден* был проводить масштабные изменения государственного строя. Николай II не был сторонником введения представительных законодательных учреждений, но реальная альтернатива революционной смуты заставила его пойти на нежеланное ему фактическое ограничение самодержавия. Реформы, проведенные верховной властью под давлением, а не по собственному почину и убеждению, как правило, оказываются внутренне противоречивыми, незавершенными, а потому и в конечном счете малоуспешными. Прискорбной бывает и личная судьба таких реформаторов-поневоле.

Словом, в XIX и XX вв. проводившиеся государством реформы ни разу не выступили в качестве реальной альтернативы революции. Таких примеров просто нет. Зато несбалансированные или неудачно подготовленные реформы, или их неэффективная реализация действительно нередко приводили к обострению внутривнутриполитического положения и возникновению революционных угроз. Хорошо известна ленинская формула о том, что 1861 г. породил год 1905-й [Ленин, т. 20, с. 177]. Лидер большевиков в данном случае был прав. Ускоренное развитие страны после великих преобразований 1860–1870-х гг. сопровождалось появлением крупных и болезненных диспропорций в общественно-политическом и экономическом развитии страны. Ошибки и перекосы в реализации реформ сыграли решающую роль в создании почвы для развития революционных кризисов начала XX в. Надо понимать только, что для совершения революции одной почвы мало. Необходимо еще и совпадение субъективных факторов – от просчетов властей до организованности и решимости революционных лидеров. А также действие обстоятельств непреодолимой силы, например, тяготы войны. Что, собственно, и случилось столетие тому назад.

2. В какой степени проекты российских реформ отвечали общественному запросу на перемены? Как менялись механизмы включения общественных ожиданий в замыслы реформаторов?

Гораздо чаще российские реформы отвечали запросам государства. История распорядилась так, что в России роль государственного регулирования и контроля только увеличивалась с течением столетий. Самодержавие и крепостничество возникли отнюдь не случайно. Эти институты позволяли непрестанно колонизирующейся стране концентрировать ресурсы с тем, чтобы обеспечить возможность становления мощного государства в относительно трудных природных и геополитических условиях. Вот почему общественная жизнь до появления в середине XIX в. интеллигенции была фактически экспроприирована государством; общество до середины XIX в. не могло предъявить запросы на реформы. Крупнейшие реформы Петра I бесспорно усилили Россию, но при этом фактически окончательно закрепостили буквально все сословия русского общества [Миронов, 1999, с. 361–367]. В итоге

в XIX в. государственная власть попала в парадоксальную ситуацию: дальнейший прогресс России оказался невозможен без пробуждения общественных сил, возникла объективная потребность к переходу от избыточного патернализма и социальной опеки к развитию общественной активности, к экономической и культурной самостоятельности общества. Отсюда – проведение либеральных, несвойственных природе самодержавия, реформ, включая отмену крепостного права, земскую, судебную и др. В результате в административном строе и в общественной жизни возник опасный дуализм: традиционный патернализм власти оказался несовместим с попытками общественного самоопределения.

3. Какие факторы и обстоятельства определяют репутацию реформатора в России? По каким паттернам выстраивается его образ в коллективной памяти? Кто и как им распоряжается?

Масштабные реформы, направленные на изменение экономических, политических или культурных реалий, неизбежно затрагивают интересы многих людей, причем затрагивают по-разному. Практически никогда и нигде крупные преобразования не пользовались единодушной поддержкой. Вот почему репутация реформатора всегда находится под угрозой. Характерен пример с репутацией Александра II, чье царствование ознаменовалось крупнейшими преобразованиями буквально во всех важнейших сферах русской жизни. После отмены крепостного права страна получила мощные импульсы для подъема культурной и экономической жизни. Но реформы по разным причинам не могли удовлетворить запросы людей, представлявших разные социальные группы или обладавших разными политическими убеждениями и темпераментом. И если в первые три-четыре года царствования император пользовался почти полной поддержкой мало-мальски развитых общественных кругов, то по мере практической реализации реформ очень скоро энтузиазм испарился: у меньшинства проявилась готовность к упорному труду в новых условиях, а у многих выявилось резкое несогласие с характером и ходом реформ. Меньше рискуют репутацией только очень решительные и даже жестокие реформаторы.

4. Насколько отличался взгляд на реформы из провинциальной перспективы от столичного? Какими ресурсами обладала российская провинция для участия в реформах или для их обструкции?

Жизнь в провинции по условиям дореволюционной России была менее подвижной и гораздо более статичной, чем в столицах. Громадные просторы при русском бездорожье крайне затрудняли обмен информацией. На Камчатке только через несколько месяцев люди узнавали о столичных событиях. Понятно поэтому, что реформаторская мысль в провинции не могла работать со столичной остротой. Провинциальная Россия неизбежно и закономерно была всегда и остается сейчас гораздо более статичной и консервативной, чем столица. Иначе, впрочем, Россия просто бы развалилась, и центр никогда бы не выдержал перегрузок управления. Самодержавие нуждалось в провинциальной тишине. Но именно по этой причине кампании реформ в России носили исключительно бурный характер и по своим

последствиям напоминали революции. Грань между реформами и революциями не была в России абсолютной. Реформы превращались в «революции сверху» и нередко приносили совершенно не те результаты, на которые рассчитывали их инициаторы. Самим провинциям был нужен стабильный центр, народ хотел спокойствия и редко ждал хорошего от властей. Наивный монархизм крестьянства не был таким уж наивным, а феномен непрестанно возрождавшего культа личности одной из причин имел политическую инертность провинции. Столица периодически его разрушала, а провинция возрождала. Отсюда, между прочим, и закономерное чередование либерально-реформаторских и консервативных правителей, столь характерное не только для XIX, но и для XX столетия.

5. В чем заключается академический интерес к реформам, оставшимся на бумаге? Какие из этих проектов наиболее поучительны и почему?

Не реализованные по разным причинам проекты реформ чрезвычайно интересны как своеобразные источники по истории политической мысли России и как материал для конструирования историками несостоявшихся, но вполне вероятных альтернатив. История некоторых таких проектов буквально захватывает дух, настолько вероятны были их реализация и, следовательно, возможность прохождения Россией совсем иных исторических путей. Скажем, хорошо известная история несостоявшегося проекта так называемой лорис-меликовской конституции. Проект влиятельного в свое время министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова, предусматривавший введение уже с 1881–1882 гг. ограниченного, но всё же постоянного выборного законосовещательного учреждения при императоре, был, как известно, даже одобрен царем в самый канун террористического акта 1 марта 1881 г. [Зайончковский, 1964, с. 328]. Сомнительный успех народолюбцев привел к вполне понятному повороту в сторону консервативного охранительства и был Александром III отклонен. Несостоявшиеся альтернативы исследовать нельзя. Но можно прислушаться к внушительному заявлению С.Ю. Витте. Осуждая узкий консерватизм К.П. Победоносцева, первый русский премьер с горечью отмечал: «Благодаря ему провалился проект зачатка конституции, проект, составленный по инициативе графа М.Т. Лорис-Меликова и который должен был быть введен накануне ужасного для России убийства императора Александра II и в первые дни воцарения Александра III. Это его, Победоносцева, великий грех, тогда бы история России сложилась иначе, и мы, вероятно, не переживали бы в настоящее время подлейшую и безумнейшую революцию и анархию» [Витте, 1960, с. 260]. Такое мнение – при всей его проблематичности – стоит учесть. Оно высказано человеком, хорошо разбиравшимся в хитросплетениях большой политики Российского государства. Именно Витте довелось претворять в действительность политико-культурное наследие либеральной бюрократии пореформенного времени. К числу такого же рода весьма поучительных начинаний можно отнести конституционные проекты министра внутренних дел П.А. Валуева (1863) и великого князя Константина Николаевича (1866). Оба сановника полагали, что их проекты введения выборных законосовещательных учреждений могли направить вероятную оппозиционность общественных сил в законное русло [Чернуха, 1978, с. 15–45].

На бумаге остались и конституционные проекты декабристов. И пусть вероятность их проведения в жизнь была минимальной, но она всё-таки была, и это обстоятельство дает почву для оценок «альтернативного» царствования Николая I. Как, впрочем, и для выяснения вопроса о том, кто же от кого был далек – декабристы от народа или народ от декабристов.

Была от несостоявшихся реформ и определенная прикладная ценность. Скажем, еще III Государственная дума приняла в принципиальном порядке закон о введении в России всеобщего обязательного начального образования. Закон был предложен рядом губернских земств, но не успел из-за войны и революции пройти все инстанции для ввода в действие. Но опыт его создания был впоследствии учтен при проведении кампании по ликвидации безграмотности. Перечень подобных нереализованных начинаний можно продолжить.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Витте С.Ю. Воспоминания. М.: Соцэкгиз, 1960. Т. 2. 640 с.

Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов. М.: Изд-во МГУ, 1964. 513 с.

Ленин В.И. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М.: Изд-во политической литературы, 1967. Т. 20. С. 172–180.

Мионов Б.Н. Социальная история России. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. 549 с.

Чернуха В.Н. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-гг. XIX в. Л.: Наука, 1978. 248 с.

REFERENCES

Vitte S.Yu. *Vospominaniya* [Memories]. M.: Sotsekgiz Publ., 1960. T. 2. 640 p. (in Russian).

Zaionchkovskii P.A. *Krizis samodержaviya na rubezhe 1870–1880 godov* [The crisis of the autocracy at the turn of 1870–1880 years]. M.: MGU Publ., 1964. 513 p. (in Russian).

Lenin V.I. "Krest'yanskaya reforma" i proletarski-krest'yanskaya revolyutsiya ["Peasant Reform" and the proletarian-peasant revolution] // Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii*. M.: Politiseskaya literatura, 1967. T. 20. P. 172–180 (in Russian).

Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii* [Social History of Russia]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1999. T. 1. 549 p. (in Russian).

Chernukha V.N. *Vnutrennyaya politika tsarizma s serediny 50-kh do nachala 80-gg. XIX v.* [Domestic policy of tsarism since the mid 50's to early 80's. XIX century]. Leningrad: Nauka, 1978. 248 p. (in Russian).

Хотели как лучше, а получилось как всегда

А.В. Лубский

Российская власть должна держать свой народ в состоянии постоянного изумления.

М.Е. Салтыков-Щедрин

1. Согласны ли вы с утверждением, что реформы в российской истории XIX–XX вв. выступали в качестве альтернативы революции? Какие реформы и почему можно считать в этом смысле успешными, а какие – нет?

Утверждение, что реформы в российской истории выступали в качестве альтернативы революции, в большей степени является клише советской историографии. При изучении реформ советские историки акцентировали внимание прежде всего на том, что их предпосылкой было «ухудшение положения трудящихся масс» и, как следствие, «усиление классовых противоречий». В таких условиях правящий класс для того, чтобы удержать свое господство, прибегал, как считали исследователи, к реформам, которые, улучшая в определенной мере положение трудящихся, выступали средством, предотвращающим революцию.

В период Перестройки в рамках преодоления марксистско-ленинского подхода к истории модным стал иной взгляд на российские реформы – не как альтернативы революции, а как революции сверху. В частности, в конце 1980-х гг. особой популярностью в академической среде пользовалась работа Н. Эйдельмана «“Революция сверху” в России», представлявшая собой очерк истории российских реформ.

В современной исторической науке произошел переход от монистической интерпретации истории к плюралистической. В результате сформировался особый тип методологического сознания, основу которого составляет принцип конструктивного реализма. Его сторонники исходят из того, что историк не столько отражает, сколько конструирует в дискурсе историческую реальность, но такую, которая в определенной мере соответствует исторической действительности. В рамках такого сознания представления о российских реформах как альтернативах революции или «революции сверху» имеют право на признание со стороны академического сообщества при условии, что сторонники этих представлений не будут претендовать на «истину в последней инстанции».

Лубский Анатолий Владимирович, доктор философских наук, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 160, n_lav@mail.ru.

Lubsky Anatoliy V., Doctor of Science (Philosophy), Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, 160, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, n_lav@mail.ru.

В рамках представления о реформах как альтернативах революции успешными можно считать реформы 60–70-х гг., а реформы начала XX в. неуспешными, поскольку они завершились революцией. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на особенности российских реформ, которые завершались, как правило, контрреформами или революциями. В этом плане аналогии, например, можно провести между реформами в России конца XIX – начала XX в., завершившимися революцией и распадом Российской империи, и реформами в СССР 70–80-х гг., завершившимися ликвидацией социалистического строя и распадом СССР.

Однако если измерять успешность российских реформ степенью их социальной эффективности, то есть тем, насколько их результаты соответствовали социальным ожиданиям, то об успешности российских реформ, наверное, говорить не приходится, по крайней мере, для тех периодов отечественной истории, когда появилась возможность количественного измерения этих ожиданий.

Если исходить из характера влияния реформ на социальное развитие российского общества, то успешными можно признать те реформы, благодаря которым Россия выходила на новые рубежи, прежде всего, в социально-экономическом развитии. Однако при этом следует отметить такую закономерность в истории российских реформ, которые, приводя к определенному «рывку» в этом развитии, затем сопровождались стагнацией, переходящей в деградацию с последующим сползанием в «историческую колею».

Рассуждая о том, какие реформы и почему можно считать успешными, а какие – нет, хочу отметить одну особенность исторического познания. Историки, высказывая суждения на этот счет, преимущественно исходят из собственных, часто ангажированных, представлений и оценок, а не из представлений и оценок людей прошлого, тем самым погружая в «борьбе» нарративов современное историческое сознание в виртуальную реальность. А в борьбе исторических нарративов, как известно, побеждает не компетентность, а власть.

2. В какой степени проекты российских реформ отвечали общественному запросу на перемены? Как менялись механизмы включения общественных ожиданий в замыслы реформаторов?

Что есть общественный запрос? Запрос общественного мнения? Или общественная потребность? Если взять реформы 60–70-х гг. XIX в., то они не столько отвечали общественному запросу, сколько будоражили «общественное мнение», если о нем судить, исходя из содержания прессы того времени. Такая же картина наблюдалась и в конце XX в. Опросы общественного мнения, проведенные в начале 1990-х гг., показывают, что 60 % россиян оценивали ситуацию, сложившуюся в стране после начала радикальных реформ, как кризисную или катастрофическую, 33 % – как тревожную и только 3 % – как нормальную [Горшков, 2016, с. 181].

Были ли реформы XIX–XX вв. общественной потребностью? Да, были, поскольку в рамках мобилизационно-модернизационного развития России можно

рассматривать как «ответы» на «вызовы» экономической и политической экспансии развитых стран Западной Европы. Однако при ответе на вопрос, в какой степени проекты российских реформ отвечали общественному запросу на перемены, следует, на наш взгляд, учитывать, с одной стороны, особенности мобилизационно-модернизационного социотипа развития российского общества в XIX–XX вв., с другой – специфику ментальных программ социального поведения в российском обществе. В рамках этого социотипа развития российское государство перманентно осуществляло реформы сверху, прибегая к управленческим практикам форсированной модернизации, содержащей западные по своему истоку импульсы. В связи с этим специфика реформ в России заключалась в том, что они постоянно разворачивались в русле противоречивого соединения модернизационного и традиционного как в процессе их проведения, так и в сознании россиян и их социальных практиках. Модернизационные начала обнаруживались в целях реформ, традиционные – в использовании при их проведении мобилизационных ресурсов, а также в восприятии в массовом сознании результатов реформ.

Стремясь понять эти противоречия, А. Ахиезер еще в начале 90-х гг. XX в. применительно к России предложил использовать такое понятие, как «промежуточная цивилизация». Особенность этой цивилизации состоит в том, что в ней, с одной стороны, традиционализм сохраняет свою мощную массовую базу, а с другой – западное влияние создает почву для постоянного культивирования либеральных ценностей. Одновременное же отторжение традиционализма и либерализма в российском обществе способствует созданию предпосылок для социокультурного раскола российского общества.

В связи с этим следует отметить, что российские реформы на начальном этапе их осуществления отвечали общественному запросу на перемены. Однако в результате этих реформ российское общество постоянно попадало не туда, куда хотелось бы. Это было обусловлено, с одной стороны, тем, что для российской политической элиты, осуществлявшей реформы в России, был также характерен ценностный раскол, и поэтому Россия, оставаясь в рамках догоняющего развития, постоянно испытывала модернизационные «шатания», в результате которых российская общественность перманентно испытывала «шок от реальности», сопровождавшийся разочарованиями в реформах.

Говорить о наличии каких бы то ни было консолидированных общественных ожиданий в дореволюционной России, на наш взгляд, не приходится. На уровне элиты всегда были сторонники и противники реформ. Реформаторы в России, исходя из государственных интересов, пытались учитывать интересы различных социальных групп. Однако эти попытки приводили к тому, что содержанием этих реформ и особенно их результатами в конечном счете оказывались недовольны все, а реформаторов ожидало разочарование – «хотели как лучше, получилось как всегда».

Об определенном публичном консенсусе по поводу необходимости преобразований, наверное, можно говорить применительно к советской истории конца XX в.

Поэтому политическое руководство страны при подготовке реформ ориентировалось на общественные ожидания, сформировавшиеся в период «перестройки» в виде установки «так жить нельзя» и «жажды перемен». Однако замыслы реформаторов в очередной раз не учитывали особенности ментальных программ социального поведения большинства россиян. Несмотря на то, что россияне в настоящее время в целом ориентированы на современные формы жизни и хозяйствования, в их ментальных программах продолжают доминировать установки на этатизм и патернализм, даже демократия в них ассоциируется не столько со свободой выборов, политическими правами, а с общественным устройством, обеспечивающим достойный жизненный уровень людей, реализующим принципы социального государства.

Социальный опыт россиян и недовольство результатами деятельности российских модернизаторов привели на рубеже веков к консервативному повороту в массовом сознании, главной доминантой которого стало возвращение от западнических увлечений периода становления демократии к «исконно российским» представлениям, нравственным устоям и образу жизни. Это привело к тому, что идеи модернизации российского общества в настоящее время оказались на периферии как элитарного, так и массового сознания.

3. Какие факторы и обстоятельства определяют репутацию реформатора в России? По каким паттернам выстраивается его образ в коллективной памяти? Кто и как им распоряжается?

Под репутацией реформатора мы можем понимать, с одной стороны, мнение, сложившееся о нем в сознании современников, с другой – мнение, существующее в современном историческом сознании. В расколоте общественном сознании в дореволюционной России мнения о реформаторах были различными. В либеральном сегменте общественного сознания реформаторы вызывали восторг и сочувствие вследствие того, что реформы в России в процессе их проведения вызывали отторжение в его консервативном сегменте. В советском обществе репутация реформаторов в значительной степени определялась пристрастиями высшего руководства, поэтому при Сталине высокой оценки удостоивался Иван Грозный, в эпоху М.С. Горбачева – П.А. Столыпин.

В настоящее время судить о репутации российских реформаторов косвенно можно, исходя из результатов социологических исследований, связанных с изучением образов истории в массовом сознании россиян и оценкой ими тех или иных периодов в истории России. Среди этих образов лидирует царствование Петра I, которое в качестве предмета гордости, вызывающей чувство эмоциональной сопричастности, превышает любую другую историческую эпоху. С точки зрения влияния разных исторических периодов на социально-экономическое и политическое развитие страны в XX в. положительно оцениваются индустриализация 20–30-х гг. (85 %) и «оттепель» начала 1960-х гг. (77 %). В то время как, например, переход к рыночной экономике в 1990-х гг. получил положительную оценку только 40 % россиян [Горшков, 2016, с. 140].

Исторические паттерны в коллективной памяти являются результатом, с одной стороны, информационного воздействия на общественное сознание россиян, с другой – реактуализации нерелективных структур их ментальных программ. Почему в массовом сознании россиян предпочтение отдается Петру I и его эпохе? Существует несколько научных предположений на этот счет. Согласно первому, традиционному российскому обществу всегда была необходима сильная рука. Сторонники второй гипотезы объясняют симпатии россиян к эпохе Петра I духом реформ, направленных на модернизацию страны. Согласно третьей гипотезе, эти симпатии вызваны тем, что Петр I, преодолевая отставание России от передовых европейских стран, возродил ее державное могущество. На наш взгляд, в основе образа Петра I как царя-реформатора, сформировавшегося в коллективной памяти, лежит прежде всего миф. Поэтому, рассматривая все эти гипотезы как правомерные, можно согласиться с тем, что «определяющую роль в устойчивом воспроизведении петровского мифа в меняющихся исторических условиях играет корреляция между личностью Петра и идеальным образом власти. Из всех русских исторических деятелей именно Петр I в наибольшей степени соответствует тому, какой, по представлению русского народа, должна быть власть» [Андреев, 1996, с. 137–138].

В образах российских реформаторов ищут вдохновение прежде всего различные политические силы в современном обществе, предлагающие или реализующие те или иные проекты преобразований в России. С помощью символического капитала власти эти образы навязываются общественному сознанию с целью легитимации этих проектов.

4. Насколько отличался взгляд на реформы из провинциальной перспективы от столичного? Какими ресурсами обладала российская провинция для участия в реформах или для их обструкции?

Российские реформы задумывались и начинались всегда в столице. Проекты реформ, как правило, не учитывали региональных особенностей экономического и социокультурного развития России. Даже реформа 1861 г., в проекте которой присутствовали региональные аспекты, учитывала прежде всего социальные интересы. Поэтому взгляд на реформы из провинции отличался от столичного, также как отличаются взгляды консерваторов и либералов, регионалов и унитаристов на преобразования.

Российское общество по своей природе является обществом государственно-организованным, в котором все начинается «сверху» и все зависит от власти. Поэтому российская провинция для участия в реформах или для их обструкции особыми ресурсами не обладала. Однако культурный раскол российского общества имел не только социальную, но и региональную природу. Этим во многом обуславливался негативизм провинциального отношения к столице в многосоставном российском обществе. Всё это создавало в провинции возможности для имитации преобразований, идущих «сверху», из столицы.

5. В чем заключается академический интерес к реформам, оставшимся на бумаге? Какие из этих прожектов наиболее поучительны и почему?

Академический интерес к реформам, оставшимся на бумаге, вызывает интерес прежде всего в рамках особого внимания историков к альтернативам общественного развития России как в прошлом, так и настоящем. Прошлое как историческая реальность включало в себя различные возможности исторического развития, а его инвариантность была результатом реализации одной из них. Отсюда следует, что важной задачей исторического исследования является изучение не только инвариантов исторического развития, но и тех потенциальных возможностей, в рамках которых этот инвариант состоялся как результат реализации одной из возможностей. В этом плане особым эвристическим потенциалом обладает синергетическая парадигма исторических исследований, позволяющая получать ответ на вопрос, почему оказалась реализованной та или иная историческая возможность.

Изучая реформы, оставшиеся на бумаге, историки часто сожалеют по поводу того, что они не были реализованы. Чаще всего это вызвано желанием увидеть в истории воплощение каких-либо этических и моральных принципов, приводящих к «сожалениям» о так называемых «упущенных возможностях» и «потерянных путях», «не проведенных реформах» и «не принятых решениях». Историк, конечно, может руководствоваться мотивами «суда над прошлым» и увлекаться извлечением «уроков истории», однако задача исследователя состоит прежде всего в понимании и объяснении того, почему и как были реализованы те или иные исторические возможности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Андреев А.Л. Образы истории в сознании россиян // *Москва*. 1996. № 5. С. 131–142.
Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1. М.: Новый хронограф, 2016. 416 с.

REFERENCES

- Andreev A.L. Obrazy istorii v soznanii rossiyan [Images of history in the minds of Russians], in: *Moskva*. 1996. № 5. P. 131–142 (in Russian).
Gorshkov M.K. *Rossijskoe obshchestvo kak ono est': (opyt sociologicheskoy diagnostiki)* [Russian society as it is: (experience of sociological diagnosis)]. In 2 v. V. 1. M.: Novyj hronograf Publ., 2016. 416 p. (in Russian).

Возможны ли реформы? Исторический опыт и перспективы преодоления российского тупика

Н.А. Мининков

1. Согласны ли вы с утверждением, что реформы в российской истории XIX–XX вв. выступали в качестве альтернативы революции? Какие реформы и почему можно считать в этом смысле успешными, а какие – нет?

Нынешний год столетия революционных событий в России 1917 г. вызвал на страницах журнала «Новое прошлое / The New Past» дискуссию по проблеме, однако, не революций, а реформ. Это не случайно. И те, и другие исторические явления проистекают из одного корня. Они вызываются глубокими внутренними причинами, определяемыми процессами внутри общества и государства, кризисом старой системы отношений и объективной необходимостью ее смены. Сходство также в том, что и в революциях, и в реформах, идет борьба между сторонниками перемен и консервативными силами, которых устраивает существующее положение и которые стремятся сохранить его или, по крайней мере, его принципиально важные стороны и пережитки. Кроме того, сходство в типологии революций и реформ. Бывали революции и реформы, которые давали выдающиеся результаты, обеспечивая мощные прорывы в развитии общества. Это были Великая Французская буржуазная революция как явление мирового значения и отмена крепостного права в России как явление российское по своему масштабу, но тем не менее исключительно значимое. Бывают же революции и реформы с иными последствиями. Эффект от таких революций значительно меньший по своим последствиям, а реформы, конечно же, были, но не более чем паллиативы. К таким революциям, например, относятся события 1830 г., в результате которых престол занял король банкиров Луи Филипп Орлеанский, и Франция пошла по пути развития в первую очередь банковского и ростовщического капитала. Это реформа государственных крестьян в России 1837–1841 гг. графа П.Д. Киселева, которая должна была улучшить положение государственной деревни при сохранении крепостного строя. Поэтому выбор темы в «революционный» год, сделанный журналом, не случаен. Исторический опыт свидетельствует, что между революциями и реформами имеются не только черты сходства, но и отличия.

Мининков Николай Александрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой специальных исторических дисциплин и документоведения Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42, mininkov@aaaanet.ru.

Mininkov Nikolay A., Doctor of Science (History), Professor, Head of Chair of Auxiliary Sciences of History, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, mininkov@aaaanet.ru.

Все революции эпохального значения Нового времени, а также революция в России начала прошлого века имели кровавые последствия. Английская буржуазная революция при Кромвелле обернулась гражданской войной и войной Англии в Ирландии. Во Франции во время Великой революции, по образному выражению современников, писателей и историков, безостановочно работала гильотина. Ужасами Гражданской войны, красным и белым террором обернулась революция и в России. Об этом хорошо известно не только историкам. Массовое российское историческое сознание опасается возможности повторения таких событий, и люди рассуждают: нынешние безобразия достали, о власти ничего хорошего сказать невозможно, но допустить революции нельзя. В этом один из ментальных резервов нынешней реакции, ментальных постолуку, поскольку подобное опасение проявляется не столько даже на уровне сознания, но и на уровне коллективного бессознательного. Однако добиться принципиальных изменений путем реформ можно лишь при особых исторических обстоятельствах. Таким обстоятельством стало поражение в Крымской войне России Николая I, который вообще-то укреплял вертикаль власти и немало в этом преуспел. Но и довел страну до падения Севастополя, что сделало ясной невозможность откладывать реформы или ограничиваться паллиативами. Также революция 1905–1907 гг. предопределила столь важную реформу, как Столыпинская, когда власть решила пожертвовать общиной. Но без подобных потрясений идти на коренные реформы власть не желает, поскольку видит в них угрозу своему положению, когда она неограниченно распоряжается страной и судьбами ее населения. Поэтому говорить о реформах как об альтернативе революции сложно.

2. В какой степени проекты российских реформ отвечали общественному запросу на перемены? Как менялись механизмы включения общественных ожиданий в замыслы реформаторов?

Проекты реформ отвечали запросу российского общества на перемены только в относительном смысле. Консервативная часть общества выступала против них. Какие-либо ожидания общества реформаторы, как правило, не принимали во внимание.

3. Какие факторы и обстоятельства определяют репутацию реформатора в России? По каким паттернам выстраивается его образ в коллективной памяти? Кто и как им распоряжается?

Опыт новой российской истории показывает, что личность реформатора – это личность человека решительного и смелого. Легче было проводить реформы такому реформатору, как Петр I, который опирался на свою неограниченную власть. То же самое можно сказать и об Александре II, но с поправкой на то, что при нем уже сформировался в русском обществе запрос на борьбу с самодержавием. И если Петр I столкнулся только с теорией царя-антихриста, носители которой угрожать лично ему не могли, то Александр II уже имел против себя революционную партию, и эта партия в конечном счете убила его. Выдающийся писатель Ю.В. Трифонов считал, что тем самым в революционной среде было выражено «Нетерпение»,

которое стало названием его романа о Народной воле и которое не желало ограничиваться реформами, но стремилось вообще смести самодержавие как политическую систему, не совместимую с эпохой. Травле подвергался М.М. Сперанский, а П.А. Столыпин был убит. Репутация реформаторов была в русском обществе, как правило, невысока. Она еще ниже в нашем современном обществе, где институт репутации вообще угроблен, где лица, уличенные в плагиате или делающие самые мракобесные заявления, могут занимать очень высокие посты. Петь славословия разному начальству некоторые представители научной и творческой интеллигенции совершенно не стесняются и делают это с видимым удовольствием, например, при вручении государственных наград. Или делают это с расчетом на преференции, в том числе денежные. Кроме того, еще в политологии начала прошлого века рассуждали о таком явлении, как загнивание государственной системы. Многие признаки такого загнивания явно проявляются в нашей действительности, сущность их выражена в принципе, сформулированном еще испанским диктатором Франко: «Друзьям – всё, врагам – закон». Можно сказать поэтому, что вопрос о репутации нынешнего реформатора вообще у нас в настоящее время не стоит.

4. Насколько отличался взгляд на реформы из провинциальной перспективы от столичного? Какими ресурсами обладала российская провинция для участия в реформах или для их обструкции?

Несомненно, что вопрос о реформах так или иначе затрагивает не только государство и народ в целом, но и регионы. Совершенно очевидно, что Россия остается страной регионов, несмотря на все попытки самодержавия к максимальной централизации власти, на стремление сменившей его коммунистической власти к всемерному упрочению системы центрального управления, несмотря на строительство нынешней вертикали и явное ограничение федеративных начал в нашем формально федеративном государстве. Буржуазные реформы при Александре II проводились с учетом региональной специфики, а земства и городские думы способствовали тому, что голос регионов, заявлявших о местных нуждах, не могли не слышать в центре. Свои особенности, в частности, на Дону, имела военная реформа, которая в казачьих войсках не могла проводиться по общим установлениям. Между тем, и в настоящее время региональная проблема на самом деле стоит очень остро. Основу ее составляет разделение регионов на регионы-доноры и регионы дотационные. Недовольство всё более ощутимо слышится с обеих сторон. Одни стремятся оставлять на свои нужды более существенную часть своих доходов и не отдавать их в бюджет. Другие жалуются на элементарную нехватку самых необходимых средств, в том числе на социальные расходы. Между тем, на причину подобного положения в новой российской истории указывал еще В.О. Ключевский в своей 41-й лекции «Курса русской истории». Великий историк говорил, что с тех пор, как после Полтавы войны России «получают наступательный характер, направляются к укреплению завоеванного Петром преобладания России в Восточной Европе... государство стало обходиться народом в несколько раз дороже прежнего». Ставившиеся внешнеполитические цели, направленные «к поддержанию европейского равновесия, как элегантно выражались русские дипломаты», были для

страны в ее состоянии непосильны. Отсюда, по словам Ключевского, «увеличился размах власти, но уменьшалась подъемная сила народного духа. Внешние успехи новой России напоминают полет птицы, которую вихрь несет и подбрасывает не в меру ее крыльев». Но разве это же нельзя сказать про нынешнее положение страны? В этом можно видеть ответ на вопрос о средствах на развитие регионов и на перспективы реформ. Для этого необходимы более трезвый взгляд на наше нынешнее положение, отказ от погони за внешнеполитическими химерами и за великодержавием, которое очень дорого обходится стране, и обращение к актуальной внутренней проблематике. В нашей политической системе на это необходима воля власти. Однако до тех пор пока важнейшей своей задачей власть будет ставить самосохранение, решиться на необходимые реформы очень сложно, поскольку всякое реформирование уже есть потрясение основ. Но сейчас не видно даже каких-либо попыток провести реформы, тем более политические.

5. В чем заключается академический интерес к реформам, оставшимся на бумаге? Какие из этих проектов наиболее поучительны и почему?

Опыт некоторых неудавшихся реформ свидетельствует, что предложение их было необходимо и рассчитывалось на перспективу. Не был принят проект М.М. Сперанского о создании законосовещательной думы с выбранными лицами. Также был отвергнут проект М.Т. Лорис-Меликова о введении в Государственный Совет представителей земств и городских дум, то есть выборных лиц. Не сумев провести такую реформу, самодержавие дождалось 1905 г., когда проект законосовещательной Булыгинской думы был отвергнут самим обществом, и уже не реформа, но революция стала в повестку дня. Реформа может выступить как альтернатива революции, если затронет жизненно важные проблемы и если власть найдет в себе силы пойти на их проведение. Хотя бы в том формате, как это было при Александре II. Но в настоящее время такой способности за властью не видно. Для борьбы с революцией принимаются превентивные меры вроде укрепления силовых структур. Но революция может наступать совершенно внезапно и в разных формах, предвидеть которые невозможно. Причинами революций выступают при этом вовсе не иностранное вмешательство и не «агенты влияния», а неспособность власти к проведению реформ, к прекращению хотя бы тех безобразий, которые особенно раздражают общество. Можно сказать поэтому, что реформы у нас необходимы, и первым шагом должны стать реформирование консервативного политического строя, основанного на пережитках самовластья, создание механизма сменяемости власти и тем самым современного государства.